

* * *

Вникая сердцем в правду горьких сводок,
Стал город на Неве фронтовиком...
Вернулся зимним вечером с завода
Отец опять с урезанным пайком.

Не верь:
Мол, пах он клеем силикатным,
Темнея, как протравленная медь,
Одно лишь отличало хлеб блокадный –
Ни разу не успел он зачерстветь.

Лишь дочери – девчонки молодые,
Не видевшие в жизни ничего,
Глаза с трудом от хлеба отводили,
Пока мать ниткой резала его.

А сам отец, такой седой, сутулый,
Вздыхнув, квартиру молча оглядел.
Нет ни стола, ни полка и ни стула.
Да – стула,
На котором сын сидел...

И вот когда в прошитом стужей доме
Всё, что горело, было сожжено,
Взял старый слесарь Лермонтовский томик
И вспомнил, может быть, «Бородино».

И передумал, видимо, о многом.
Ну а потом недрогнувшей рукой
«Буржуйку» подостывшую потрогал,
Откинул дверцу с болью и тоской.

Жену, детей, себя ли успокоил,
Пытался ли загнать подальше стыд:
«Я думаю, когда вернётся Коля,
То он поймёт, то он меня простит».

Шли жизнь и смерть по Ленинграду рядом.
Тепло от книг, текущее к ногам,
Могло назавтра стать в цехах снарядом.
Ещё одним снарядом – по врагам!

О, книги! Бескорыстные подруги –
Их меньше становилось с каждым днём –
Спасали обмороженные руки
Своим недолгим ласковым огнём.

